Гарри проснулся, но его кровать была пуста. Он попытался встать, но под ногами ничего не было. — Я сплю? — прошептал он, сам не зная, зачем. Голоса, ответившие ему, не вызвали удивления. — Это не сон, молодой человек.Странно, но паники Гарри не чувствовал. Он стоял в пустоте, слушая голоса, принадлежащие никому, кого он не мог видеть. Может быть, потому, что ему уже все равно? — размышлял он. Или, возможно, я видел слишком много странных вещей в мире волшебников, чтобы удивляться чему-то по-настоящему.Первые недели в Хогвартсе он провел в состоянии постоянного благоговения перед всем: говорящими портретами, призраками, движущимися лестницами, единорогами и драконами. Но вскоре привык к этому волшебному миру и перестал смотреть на него с открытым ртом. Несколько инцидентов все еще волновали его, например, когда ему показалось, что он слышит убийственные голоса (но это оказался василиск из Тайной комнаты), или когда он впервые встретил Феникса в день сожжения. Но, за исключением этих исключений, он стал в основном невозмутимым.Наступила долгая минута молчания. — Тогда где же я? — спросил Гарри, когда голоса больше ничего не говорили и не делали. — Ты с нами, малыш, — ответили они как один. — Это не настоящее место, кроме того, что мы здесь. Как и ты.— Ну, это был не совсем ответ, — подумал Гарри, но какого ответа он ожидал? Они, конечно, были правы в том, что это не совсем место, там действительно ничего не было. Просто... небытие... — Почему я здесь? — спросил он, подумав, что это был бы куда более подходящий вопрос.Голоса улыбнулись ему, хотя откуда он это знал, ему было неведомо: — В тебе есть обещание, дитя. Обещание, которое мы должны выполнить, — ответили они, и впервые с тех пор, как он попал сюда, Гарри почувствовал опасение.— Обещание? — выдавил он из внезапно пересохшего горла. — Я не помню, чтобы я кому-то давал такое... обещание.Что именно, он точно не знал, но был уверен, что не давал никаких обещаний, которые бы включали в себя окончание жизни в этом не-месте. Кроме того, из-за его опасений отказ казался очень хорошим вариантом. Что бы это ни было, он точно не хотел в этом участвовать.— Это было не такое обещание, — ответили они, игнорируя или не замечая его опасений. — Это не то обещание, которое было создано словами, а только бытием.— Итак... — медленно ответил Гарри, испытывая чувство ужаса. — Это обещание, данное не мной, а тем, кто я есть?Его ужас быстро перерос в гнев, а затем угас в болезненно-пустой дымке измученной покорности. — Разве я уже не выполнил свою роль? — тихо спросил он, желая избавиться от бремени, возложенного на него тем, кем он был. Проклятый "мальчик, который жил".Голоса в этот раз звучали утешительно, почти с любовью, и он почти чувствовал, как они обволакивают его. — О, малыш, ты действительно выполнил свое обещание в своем мире. Ты выполнил возложенный на тебя долг, и выполнил его хорошо. Но в твоей душе есть не одно обещание. Одно из них было навязано тебе, когда ты был еще младенцем...Тут Гарри неосознанно коснулся своего характерного шрама. Шрам, который, как и все шрамы, теперь был лишь воспоминанием о болезненном прошлом. Голоса наблюдали за тем, как он размышляет о последствиях этого шрама, и пока мальчик, ставший почти человеком, переживал потерю родителей, утрату чувства дома и принадлежности, невинности и детства, они обнимали его, даря тепло и уют. Это было самое близкое к объятиям, которого они могли достичь.— Обещание, связанное с этим шрамом, выполнено, малыш. У тебя все получилось. Лучше, чем кто-либо мог надеяться, — они продолжили, успокаивая. — Но есть обещание, которое было с тобой еще дольше. То, что было с тобой с самого рождения.Без всяких объяснений чувство ужаса вернулось, оно накрыло его с головой, настолько подавляющее по своей силе, что удивило даже его самого. Ему больше не нужны были ни обещания, ни обязанности, с него было довольно. Он выполнил свою часть работы, и с ним покончено. — ...нет... — слабо произнес он, не в силах собраться с силами, чтобы протестовать более решительно. — Нет! — закричал он в своем сознании. — Нет, только не это! — молила его душа.— О, дитя... — сказали голоса, еще крепче обнимая его за плечи. — Нет такого долга перед тобой, юный, — заверили они его, — не волнуйся. Твоя судьба теперь зависит от тебя самого.— Что? — Он скривился. — Что вам от меня нужно?Они не выпускали его из своих бессильных рук. — Не воспринимай это как долг, дитя. Не позволяй своему сердцу так

мучиться от прежнего бремени, — пытались они убедить его, — Это не долг, возложенный на тебя, и не рана, нанесенная тебе и оставившая шрам. В твоей родословной есть обещание, дитя.Они помолчали немного, но он не знал, протестовать ему или соглашаться. Он молчал, не делая ни того, ни другого, и вскоре они продолжили свое объяснение. — Давным-давно некоторые из наших детей попали в ваш мир. Там они были потеряны для нас. За пределами нашей досягаемости. Как и их дети, и дети их детей.Голоса звучали скорбно, и впервые с момента поражения Волдеморта Гарри почувствовал, как его сердце вновь заколотилось от беспокойства за других — чувство, которое раньше приходило к нему так же легко, как дыхание. Как пережиток его собственного болезненного, нелюбимого детства, его сердце всегда тянулось к тем душам, которые взывали к нему с чувством потери, беспомощности или страха, которые эхом отдавались в нём из его собственного прошлого. Ему казалось, что он стал невосприимчив к подобным чувствам сострадания из-за оцепенения, наступившего после смерти Волдеморта. Теперь он почувствовал облегчение, узнав, что это не так. — Я не потерял ни одной вещи на этом пути.Голоса продолжили более бодрым тоном, словно желая развеять собственную грусть: — Но не все было потеряно. Хотя прошло много веков, мы продолжали следить за нашими детьми. Их кровь истончалась по мере того, как они смешивались со смертными, и в конце концов некоторые из этих линий угасли, пока не осталось только две.— Несмотря на прошедшие века, кровь эльдар сильна, и когда потомки двух линий встретились в любви, мы почувствовали радость, подобной которой не было. Рождение Перворожденных — редкое явление, и хотя с разбавлением родословной эта вероятность уменьшилась, все равно оставалась большая вероятность того, что от этого союза не появится ни одного ребенка. — И все же эта любовь казалась настолько предопределенной, что впервые за многие века мы почувствовали надежду на наших потерянных детей. С объединением этих линий кровь снова стала сильной. Мы знали, что в конце концов сможем вернуть домой последнего из их потомков. Обещание было дано с твоим рождением, и оно должно было исполниться с твоей смертью, — прозвучали голоса, окутывая Гарри невидимой пеленой.— Моя смерть?! — взревел Гарри, не в силах больше сдерживаться, пытаясь вырваться из воздушной хватки голосов. — Но… но я не умер!— Нет… — успокаивали голоса, позволяя запаниковавшему мальчику немного отстраниться. — Это не так, малыш. Они вздохнули в унисон, печальный, исчезающий звук. — Что-то помешало этому плану. Темный маг, пророчество, защита твоей матери… — Моя мать… моя мать спасла меня. — Да, — согласились голоса. — Ее любовь к тебе была сильна. Но она не смогла спасти тебя полностью. В тот день ты столкнулся со смертью. Мы могли бы попытаться вернуть тебя тогда, но цена для вашего мира была бы значительной. А мы не хотели, чтобы жертва твоей матери была напрасной. — Поэтому вы ждали, пока это обещание, это пророчество не исполнится? — прозвучали слова Гарри в тишине, словно эхо. — В любом случае, — продолжили голоса после минутной паузы, заменяя непроизнесённые слова, висевшие между ними, на слышимые. — …мы ждали бы ещё дольше… чтобы твоя земная жизнь подошла к концу. Но с учетом той роли, которую ты взял на себя, победив своего врага, и всего, что это повлекло за собой, нам стало ясно, что так больше нельзя. — И после столетий наблюдения и ожидания мы ждали достаточно долго. Молодой волшебник моргнул. — Голоса стали нетерпеливыми? — подумал он, озадаченный столь неожиданным признанием древних (они действительно наблюдали за его миром на протяжении веков), могущественных (или, как он полагал, способных перенести его сюда, где бы он ни находился), бесплотных существ. — Вы тоже, похоже, ждали достаточно долго. — Вы казались нам дрейфующими в этом мире, не имея к нему никакого отношения. Поэтому мы решили, что пришло время, — закончили они. И Гарри, и голоса замолчали. Волшебник обдумывал все, что ему рассказали, а голоса безмятежно ждали, когда он заговорит. Гарри не понимал всего услышанного, он чувствовал себя таким же ошеломленным, как и после знакомства с волшебным миром. Возможно, даже больше. Хотя шок был не таким сильным, как тогда, благодаря его жизненному опыту (его слишком часто шокировали, чтобы он мог так просто потерять бдительность), информационная перегрузка была больше. Он чувствовал себя так, словно в первый же день пребывания в мире

волшебников ему рассказали о защитной магии его матери, о чарах вокруг Прайвет-драйв, которые были созданы на основе этой защитной любви, и о пророчестве. И хотя то, что его не держали в неведении, освежало, это также было небольшим напряжением для его мозга. Несмотря на всю полученную информацию, он чувствовал, что ему также не хватает исходных данных для того, чтобы все части сложились в единое целое. Он не понимал всего и даже не знал, с чего начать и какие вопросы задавать. Кроме одного. — Время для чего? — Для того чтобы ты, единственный оставшийся потомок наших потерянных детей, был возвращен туда, где тебе самое место, — голоса снова окутали его, и он почувствовал их надежду и любовь. Это было чужое, странное ощущение, которое вызвало у него легкую панику и успокоение. — Принадлежать? — была последняя вопросительная мысль в его голове, прежде чем он почувствовал, как воздушные руки неосязаемых существ втянули его в нечто, что не было ни темным, ни светлым. По телу разлилось тепло, а глаза закрылись.

http://tl.rulate.ru/book/102875/3569509